

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ НАПИСАЛ АПОСТОЛ ПАВЕЛ? «ДЕВТЕРО-ПАУЛИНЫ» И ИХ МЕСТО В КАНОНЕ НОВОГО ЗАВЕТА.

Ковшов М.В.
к.бог., преп. кафедры
библейстики МДА
(г. Сергиев Посад)

Сегодня на русском языке издается все больше «Введений в Новый Завет», в которых новозаветные книги расположены несколько непривычным для нас образом. Это не хронологический порядок их написания и не тот порядок, в котором они расположены в каноне Нового Завета, а принцип аутентичности/псевдоэпиграфичности.

Одной из последних книг такого рода, которую я держал в своих руках, стало «Введение в Новый Завет» немецкого библеиста Юргена Ролоффа [1]. В этом пособии автор рассматривает 7 т.н. «прото-павловых посланий» (Рим., 1-2 Кор., Гал., Флп., 1 Фесс., Флм.), а затем следует параграф под названием «Псевдоэпиграфические послания послеапостольского времени», в число которых входят оставшиеся 6 т.н. «девторо-павловых» посланий.

Подобный подход заставляет нас сделать несколько очень важных допущений и тем самым предлагает определенный герменевтический ключ к их истолкованию. На этом мы остановимся более подробно в основной части статьи. Пока же я хотел бы поставить следующий вопрос: каким должно быть отношение нас — православных христиан — к такому подходу? Не пора ли и нам пересмотреть наши взгляды и рассматривать т. н. «подложные» новозаветные писания отдельно от аутентичных? Поискам ответа на этот вопрос и будет посвящено основное содержание данной статьи.

Несколько слов о ее характере. Меньше всего ее автору хотелось, чтобы она превратилась в перечисление аргументов за и против авторства апостола Павла, подробный перечень которых можно найти в любом приличном библейском комментарии. Вместо этого я хотел бы рассмотреть вопрос более широко и остановиться на основных проблемах, которые ставит перед нами признание псевдонимии и псевдоэпиграфии в Новом Завете.

Вопрос о подлинности ряда посланий св. ап. Павла (т.н. “девторо-паулинов”) представляет собой целый комплекс взаимосвязанных между собой проблем, наиболее важными из которых необходимо признать следующие:

1. Проблема псевдонимии и псевдоэпиграфии в раннехристианской Церкви.

Псевдонимия и псевдоэпиграфия — достаточно распространенные феномены в Древнем мире. Некоторые ученые считают, что как минимум с середины

3 в. до Р.Х псевдоэпиграфия стала письменной нормой для различных «библейски инспирированных групп» [2]. Можем ли мы, в свете того, что нам известно из раннехристианских источников, считать эти явления нормальными для ранних христиан?

Среди западных ученых наиболее распространенной является такая точка зрения: псевдоэпиграфия была нормальным явлением постольку, поскольку подложные писания, написанные учениками апостолов, “продлевали” жизнь последних после их физической смерти [3]. Благой целью, которая в этом случае оправдывала средство — подлог — было стремление апостольских учеников разрешить те новые церковные проблемы, которые возникли перед христианскими общинами после ухода из жизни первого поколения. Причиной псевдоэпиграфии в таком случае считают т.н. “кризис авторитетов”, который якобы имел место на рубеже 1-2 вв. н.э. Общепризнанные церковные лидеры (апостолы) уже покинули историческую сцену, новые авторитетные лидеры еще не успели получить всеобщее признание, поэтому единственным способом приобрести авторитет в глазах единоверцев было обратиться к ним от имени давно ушедших авторитетов. «Церковные писатели, пишущие под собственным именем, появляются лишь ближе к середине II в.» [4].

Подобный подход предполагает само собой разумеющимися две очень важные вещи, которые воспринимаются как аксиомы, не требующие особых доказательств. Во-первых, безусловное признание исторической достоверности т.н. “кризиса авторитетов” и вытекающих из него конфликтов. Фактически, этот тезис представляет собой вывернутое наизнанку утверждение Ф.Х. Баура о том, что вся история раннего христианства представляет собой непрекращающийся конфликт партий — иудейской и эллинистической. Только теперь временные рамки конфликта переносятся в послеапостольскую эпоху, возможно, меняется название партий, но основная суть остается все той же [5].

Во-вторых — и это тоже следует принять как само собой разумеющееся — псевдонимия и псевдоэпиграфия в послеапостольской Церкви были вещами нормальными и не вызывающими серьезных нареканий. Аргументы в поддержку этого тезиса также не вполне соответствуют историческому контексту: приводятся примеры начиная с ветхозаветных (причем среди псевдоэпиграфов называются книги, ложное авторство которых само по себе не является бесспорным и требует дополнительного обоснования) и межзаветных апокрифов до эллинистических философских школ и т.п. вплоть до сравнения с школами художников эпохи Возрождения. Автору статьи доводилось слышать сравнение школы апостола Павла со школой Тициана: картины, подписанные именем последнего, выходили еще многие годы спустя после смерти знаменитого художника. Почему то же самое не могли сделать ученики апостола Павла?

2. “Павлова школа”.

Таким образом мы перешли к другой важной проблеме - проблеме т.н. “Павловой школы”. Но прежде, чем перейти к ее хотя бы беглому рассмотрению, мне бы хотелось сделать одно важное замечание по предыдущему пункту. Я бы хотел обратить внимание на те логические посылки, которые приводят к вышеописанным выводам. Логика в данном случае такова. Люди древнего мира - будь то евреи эпохи Ветхого Завета и “Межзаветного” периода (ставлю в кавычках, т.к. термин сам по себе предполагает, что был некий временной зазор между Ветхим и Новым заветами, что некорректно), либо эллины - последователи различных философских школ, либо кто угодно еще - с легкостью шли на подлог и готовы были поставить подпись знаменитого автора под своим собственным трудом. О целях в данном случае говорить не будем - они весьма разнообразны, единственное, что их, по-видимому, объединяет - это то, что они вполне оправдывают это средство. Итак, псевдоэпиграфия - вещь для древнего человека вполне допустимая. Ученики апостола Павла были родом из этого самого “древнего мира”. Следовательно, они вполне могли воспользоваться псевдоэпиграфией, в особенности с такими благими целями, как устранение разногласий в христианских общинах [6].

Лично у меня здесь сразу возникает одно “но”. Когда я вижу, что какое-то явление из истории раннего христианства сразу и настойчиво пытаются не просто вписать, а, я бы сказал, даже “упаковать” в прокрустово ложе исторического контекста, я сразу делаю в уме пометку, что имею дело с последователем направления, которое наши дореволюционные библеисты называли “отрицательной библейской критикой”. Почему это плохо, может возникнуть закономерный вопрос? Неужели рассмотрение новозаветных реалий в их историческом контексте является чем-то предосудительным, а не общепринятым методом в новозаветной библеистике?

Конечно, плохо не само по себе обращение к контексту, которое как раз является вещью нужной и необходимой. Но сведение всего, что мы можем найти в Новом Завете, исключительно к окружающему бэкграунду, для меня лично является очень тревожной тенденцией. При таком подходе все, что в рамки этого контекста не вписывается, “автоматически” отмечается как неподлинное, неаутентичное и т.п. И при этом начисто игнорируется хотя бы сама возможность того, что благая весть Христианства этот контекст неизмеримо превосходит. Я в данном случае не прошу сторонников т.н. “методологического атеизма” принимать это как данность, но хотя бы рассматривать как одну из равных возможностей наряду с отрицанием исключительности христианства. Потому что если человек изначально подходит к библейскому тексту с убеждением “Откровения не было и быть не могло” (или в несколько смягченной форме: “Если Откровение и было, то нас оно совершенно не интересует, т.к. не может быть исследовано эмпирическими способами”), то эта изначальная герменевтическая предпосылка оказывает влияние на весь дальнейший ход его мыслей. Если Откровения не было - ведь даже если оно и было, мы все равно должны исследовать новозаветный текст и историю раннего христианства так, как

будто его совсем не было - то и Христианство ничем не отличается от всех прочих религий. А значит, и христиане - во всем точно такие же люди, как и все остальные. Следовательно, для них было вполне обычным и нормальным все то, что считалось таковым их современниками. Например, псевдоэпиграфия.

На мой взгляд, такой подход прямо противоречит самому тексту Нового Завета, через который красной нитью - начиная с Евангелий и заканчивая Откровением - проходит мысль о том, что христиане - не такие (или, по крайней мере, должны быть не такими) как все остальные, кто их окружает. Они в мире - но не от мира... Они нищи - но многих обогащают... Они ничего не имеют - но всем обладают. (Ср.: Иоан.15:19, 17:6-16; 2Кор.6:10).

Можно, конечно, со всем этим не соглашаться, тем более, что современные христиане чаще всего далеки от этого идеала. Не стоит также думать, что в апостольские времена Церковь представляла собой “заповедник святых”. Тем, кто в этом сомневается, рекомендую перечитать хотя бы 1 послание к Коринфянам. Но это уже совершенно другой вопрос: то, что является общепризнанной нормой - это одно; насколько люди соответствуют этой норме - совсем другое...

Но даже в этом случае полагать, что ближайшие ученики апостола Павла занимались составлением подложных посланий от имени своего учителя - фактически означает утверждать, что они не поняли своего учителя в самом главном. И пусть у апостола Павла нет прямых цитат, осуждающих псевдоэпиграфию - хотя некоторые находят их как раз в тех самых псевдоэпиграфах - но все же вряд ли стоит делать допущение, что апостол одобрил бы способ возвещения Истины посредством лжи.

Кроме того, такое допущение противоречит и известным нам историческим фактам. Нам не известно ни одного примера, когда ранняя Церковь поощряла бы составление псевдоэпиграфов. А вот когда она накладывала прещения на их авторов - примеров более чем достаточно [7]. Весь процесс формирования Новозаветного канона в христианской Церкви ознаменован этой постоянной борьбой с еретиками, стремящимися “протащить” в него псевдоэпиграфы.

Однако мы перешли к следующему важному вопросу относительно т.н. “девторо-паулинов” - времени и месте их включения в канон Нового Завета.

3. “Девтеро-паулины” и канон посланий св. апостола Павла.

Хотя по вопросу формирования новозаветного канона среди ученых нет единого мнения, я бы хотел более подробно остановиться на том, которое вытекает из теории о т.н. “Павловой школе”. Обычно считается, что школа эта располагалась в Эфесе, и предположение это выглядит вполне логичным [8]. Действительно, Эфес - это центр малоазийской миссии апостола Павла. Поэтому вполне логичным будет предположить, что его школа располагалась именно здесь, и именно отсюда распространились т.н. “девторо-павловы” послания. Но у этой теории есть одно “но”. Дело в том, что в конце 1в. в Эфесе жил также и св.

апостол Иоанн Богослов. Можно, конечно, с этим не соглашаться, но «бремя доказательств должны нести те, кто пытается отвергнуть предание» [9]. И как в таком случае объяснить феномен т.н. “малоазийского богословия”, которое напрямую связано со св. Иоанном, а также наличие огромного количества храмов во имя Иоанна Богослова, рассеянных по всей Малой Азии? Поэтому уже наши дореволюционные ученые (в частности, прот. А. Горский, а затем и свт. Иларион (Троицкий) указывали, что местом формального заключения новозаветного канона был именно Эфес. Более того, по их мысли, заключить канон мог только кто-то из самих апостолов. А поскольку Иоанн Богослов находился в это время в Эфесе, то логичнее всего предположить, что это сделал именно он [10].

А теперь давайте ответим на вопрос: возможно ли написание подложных “апостольских” сочинений при живом апостоле с одной стороны, и их последующее включение в канон этим апостолом - с другой? Ответ представляется очевидным.

Кроме того, есть еще одна логическая нестыковка. Если “девторопаулины” действительно были написаны не самим апостолом Павлом, то, по крайней мере, это должен был быть богослов такого же уровня, что и сам апостол Павел. Но - “Ученик не выше учителя...” (Мф.10:24; ср. Лк.6:40). «Сомнения в прямой принадлежности Еф. апостолу Павлу можно разбить об единственный простой и очевидный довод, который вольно или невольно выдвигают все ученые, в том числе и те, кто сомневаются в аутентичности Еф. Все говорят о Еф. как о «венце Павлинизма». Если принять такую высокую оценку Еф. (а она принимается всеми!) и при этом сомневаться в прямом авторстве Павла, то получается странность, если не абсурд: Послание к Эфесянам написано не Павлом, а богословом, который ни в чем ему не уступал по уровню, но имени которого мы почему-то не знаем [11].» [12]. Возможно ли, чтобы кто-то из учеников апостола настолько превзошел своего учителя, чтобы написать такой богословский шедевр, который даже критики называют “венцом павлинизма” (Послание к Эфесянам) [13]? Получается весьма странная ситуация: в 1 в. н.э. жил христианский богослов, который настолько хорошо постиг учение апостола Павла, что изложил его лучше самого апостола Павла! Возможно, конечно, что и его тоже звали Павлом, и он наверняка хорошо знал самого апостола Павла... Но это все равно не апостол Павел!

В таком случае возникает закономерный вопрос: а почему бы нам не усомниться в подлинности т.н. “прото-паулинов”, т.е. тех посланий, принадлежность которых апостолу Павлу никогда никем всерьез не оспаривалась? Действительно, откуда мы знаем, что именно апостол Павел написал послания к Римлянам и Галатам, к Коринфянам и очень личное письмо-записку к Филимону? Может быть, это тоже был “другой Павел”, который “ложно приписал” себе имя апостола язычников? В конце концов, таким ли уж невероятным выглядит это предположение, если псевдоэпиграфия в новозаветном мире была вещью само собой разумеющейся?

Конечно, никто из серьезных ученых таких выводов никогда не делал. Основные аргументы в пользу псевдоэпиграфичности тех или иных посланий относятся к формальной стороне.

4. Формальные критерии псевдоэпиграфичности т.н. “девторо-паулинов”.

Формальные критерии - это в первую очередь аргументы от стиля и языка. И надо сказать, что это единственные серьезные аргументы в пользу псевдоэпиграфичности т.н. “девторо-паулинов”. Язык и стиль посланий, которые считаются неподлинными, действительно - в большей или меньшей степени, но - отличается от языка бесспорных посланий апостола Павла.

Сейчас я не буду подробно описывать, как именно пытаются доказать подложность некоторых посланий с помощью языковых и стилистических аргументов. Чаще всего составляется словарь, привычный для подлинных посланий апостола Павла, подсчитывается число т.н. “*hapax legomena*”, т.е. слов, встречающиеся только один раз, когда речь идет о стиле, учитывается стандартная для апостола Павла длина предложений и т.п. Например, в послании к Эфессянам средняя длина предложения значительно превышает аналогичные показатели для бесспорных посланий апостола Павла. Хотелось бы лишь заметить, что очень многие из этих аргументов могут быть обращены также и против т.н. “прото-павловых” посланий.

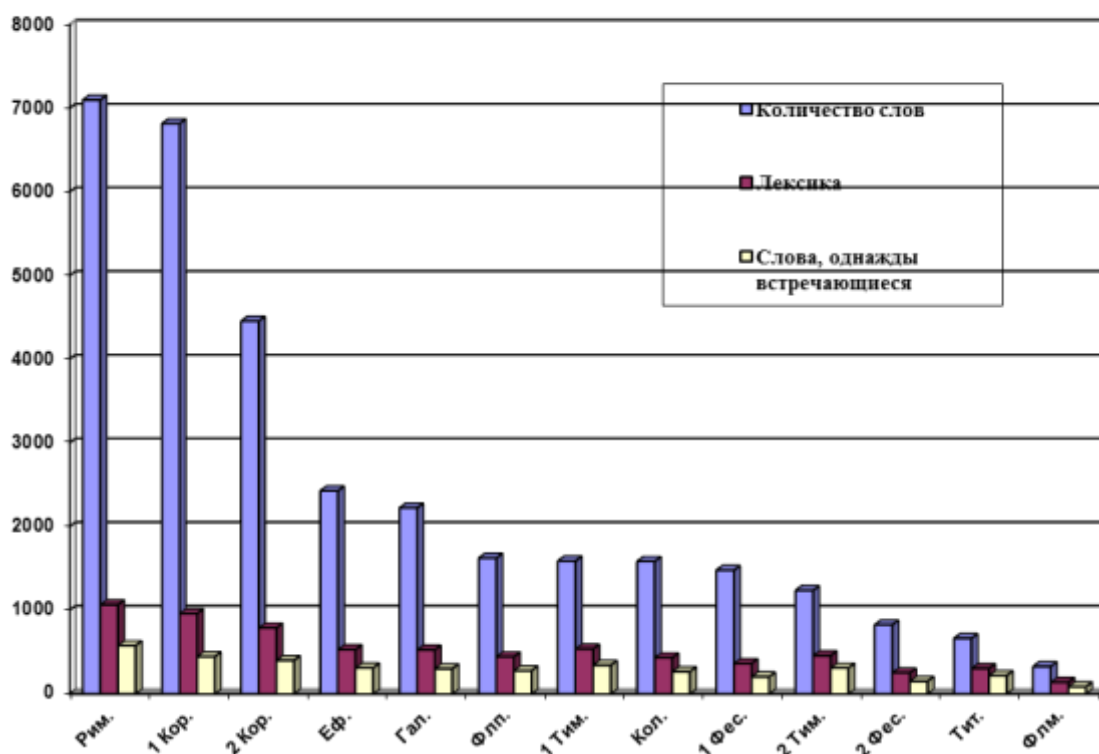
Немецкая исследовательница Эта Линнеманн (Eta Linnemann) детально проанализировала аргументы сторонников историко-критического метода по вопросу об авторстве т.н. «девторо-паулинистских» посланий и пришла к интересным выводам, которые заслуживают более подробного освещения [14].

Используя метод квантификационной объективации, Линнеманн убедительно показывает, что все аргументы т.н. «научной библеистики», под которой подразумевается историко-критический метод, или отрицательная библейская критика, на самом деле вовсе не так научны.

Например, проведенный Линнеманн статистический анализ показал, что наибольшее количество “*hapax legomena*” содержится в самом аутентичном из всех посланий апостола Павла - в послании к Римлянам!

Диаграмма 1 [15]

Послания апостола Павла

Общий объем словаря в посланиях апостола Павла составляет 2645 слов, из которых 1135 составляют слова, употребленные только один раз (42.91%); из них 598 – новозаветные «*hapax legomena*», т.е. те слова, которые встречаются лишь однажды не только в посланиях апостола Павла, но и во всем тексте Нового Завета (22.61% словаря апостола Павла). Оставшиеся единичные употребления встречаются в других местах Нового Завета, но у апостола Павла употребляются только один раз (537 слов, 20.30%).

Таблица 1 [16]

Послания	1 Кол-во слов в послании	2 Лексика	3 Употребленные только 1 раз	4 Встречающиеся в НЗ только 1 раз	5 Употребленные 1 раз, но встречающиеся в других книгах НЗ

Рим.	7099	1066	578=54.22%	115=10.79%	116=10.88%
1 Кор.	6816	960	445=46.35	82=8.54	96=10.00
2 Кор.	4456	788	400=50.76	68=8.63	63=7.99
Еф.	2428	529	311=58.79	35=6.62	39=7.37
Гал.	2223	526	301=57.22	30=5.70	45=8.55
Флп.	1624	444	277=62.39	40=9.01	31=6.98
1 Тим.	1589	538	343=63.75	66=12.27	46=8.55
Кол.	1584	432	267=61.80	37=8.56	24=5.55
1 Фес.	1478	363	205=56.47	18=4.96	13=3.58
2 Тим.	1237	457	310=67.83	60=13.13	37=8.10
2 Фес.	826	252	152=60.32	8=3.17	10=3.97
Тит.	664	305	219=71.80	32=10.49	14=4.59
Флм.	328	139	85=61.15	7=5.04	3=2.16
Всего	32,253	2645	1135=42.91%	598=22.61%	537=20.30%

Необходимо также принять во внимание слова, встречающиеся только в какой-либо одной из новозаветных книг. У ап. Павла таких слов 92 (столбик 6). В столбце № 7 представлены слова, употребленные только в одном из посланий апостола Павла, но встречающиеся в других книгах Нового Завета. Кроме этого, ряд слов употребляется не один раз, но только в посланиях ап. Павла (столбец 8).

Однозначный вывод, который следует из этой таблицы, состоит в том, что словарь посланий апостола Павла не является чем-то унифицированным. Кроме того, количество т. н. *haraх legomena* напрямую зависит от общего объема словаря и длины новозаветных писаний.

Таблица 1 (продолжение) [17]

Послания	6 Встречающиеся в одной из книг НЗ	7 Употребляются только в 1 кн. ап. Павла, но встречаются в др. кн. НЗ	8 Употребляются не раз, но только в посланиях ап. Павла
Рим.	17=1.59%	4=2.25%	66=6.21%
1 Кор.	21=2.19	32=3.33	64=6.65
2 Кор.	27=3.43	18=2.28	60=7.60
Еф.	5=.94	2=.38	36=6.83
Гал.	5=.95	8=1.71	23=4.41
Флп.	2=.45	18=4.05	18=4.04
1 Тим.	9=1.67	8=1.49	45=8.41
Кол.	1=.23	2=.46	32=7.51
1 Фес.	1=.27	1=.28	17=4.70
2 Тим.	2=.44	1=.22	25=5.49
2 Фес.	2=.79	1=.40	11=4.45
Тит.	-	3=.98	24=8.05
Флм.	-	-	12=8.82
Всего	92=3.48%	101=3.82%	167=6.34%

Нижеследующая таблица показывает, что количество *hapa* *legomena* напрямую зависит от общего объема словаря и длины новозаветных писаний.

Таблица 2 [18]

Книги Нового Завета	<i>hapa</i> <i>legomena</i> (%)
1. 1 – 3 Ин.	3.31
2. 2 Фес.	3.97
3. Флм.	5.04
4. 1 Фес.	5.23
5. Иуд.	5.73
6. Мк.	6.39
7. Гал.	6.65
8. Еф.	7.36
9. Мф.	8.52
10. Кол.	8.80
11. Флп.	9.46
12. Ин.	9.69
13. 1 Петр.	10.28
14. Иак.	10.36
15. Тит.	10.49
16. 1 Кор.	10.73
17. 2 Кор.	12.05
18. Откр.	12.23
19. Рим.	12.38
20. 2 Тим.	13.57
21. 1 Тим.	13.94
22. Евр.	14.16
23. 2 Петр.	14.21
24. Лк.	14.45
25. Деян.	26.55

Например, говоря о послании к Эфессянам, Линнеманн показывает, что по длине предложений оно вполне сопоставимо с посланием к Римлянам.

Таблица 3 [19]

Сравниваемые пассажи	Соотношение слов
----------------------	------------------

Еф.	Рим.	
1: 3-5	2:5-5	66/55
1: 7-10	2:9-11	66/38
1:11-12	2:12-13	30/29
1:13-14	2:14-16	40/60

Линнеманн приходит к выводу о том, что «словарный состав не дает нам никаких аргументов для провозглашения каких-либо писаний неаутентичными – будь то в отношении целых писем или отдельных их частей» [20].

Однако эти статистические выкладки не дают ответа на главный вопрос: с чем связано языковое и стилистическое разнообразие в посланиях св. апостола Павла? Одна из популярных гипотез, которая позволяет разрешить этот вопрос в традиционном ключе - гипотеза о секретаре (а точнее, если говорить об апостоле Павле, то о секретарях) [21]. И здесь нам как раз пригодится знание окружавшего апостола Павла греко-римского контекста.

5. Роль секретарей и соавторов в написании посланий св. ап. Павла.

Практика использования секретарей была вполне обычным делом в греко-римском мире, едва ли не более обычным, чем сейчас. Услугами секретарей пользовались все, начиная от первых лиц в государстве и заканчивая простолюдинами. Но если первые делали это в первую очередь в целях экономии времени, то последние чаще всего по причине неграмотности. В античной эпистографии существует даже особый термин для обозначения этого явления. Он называется “формула неграмотности”. Эта стереотипная формула, которую ставил в конце письма секретарь, написавший его за неграмотного человека, писалась приблизительно так: “Я, такой-то, написал это письмо за такого-то, потому что он не умеет писать”. Часто такой автор даже не мог поставить под письмом собственноручную подпись.

Естественно, практика использования секретарей состоятельными гражданами была совершенно иной. Для них необходимость их использования была обусловлена в первую очередь желанием сэкономить время, а зачастую и просто ленью, как пишет об этом Цицерон. Как бы то ни было, считается, что к 1 в. н.э. уже существовала как греческая, так и латинская стенография, а значит, и практика использования секретарей могла быть различной. Во-первых, письмо могло просто записываться под диктовку, если предположить, что секретарь не был профессионалом и не владел навыками стенографии. Во-вторых, секретарь мог застенографировать речь автора, а потом расшифровать ее. Наконец, была и более свободная практика использования секретарей. Иными словами, автор мог дать секретарю набросок своих мыслей и предложить его литературно оформить, или же дать устные указания, о чем тот должен был написать. Затем секретарь составлял текст письма, автор проверял его и вносил исправления, после чего секретарь переписывал письмо начисто, автор ставил свою подпись и отправлял его адресату (возможно, пользуясь услугами этого же самого секретаря

в качестве нарочного). Наконец, существовали и более свободные практики использования секретарей. Например, автор мог дать секретарю только устные указания, а в ряде случаев (например, когда письмо было не столь важным или носило стереотипный характер) мог оставить его содержание на усмотрение секретаря. Мы можем видеть, что если в первых двух случаях ответственность за содержание письма лежит в первую очередь на авторе (в первом случае - только на нем), то в последних она в той же степени принадлежит секретарю (в последнем случае - фактически только ему) [22].

Конечно, мы не знаем, как именно использовал секретарей апостол Павел. Из его посланий мы можем сделать однозначный вывод лишь о том, что он пользовался их услугами. До нас дошли имена нескольких секретарей апостола Павла: Это Тихих, Тимофей, Тертый... Были ли у апостола Павла другие секретари, кроме перечисленных нами? Являлись ли все эти люди профессиональными тахиграфами, были ли среди них дилетанты, которые могли записывать только под диктовку? На эти вопросы мы, вероятно, никогда не получим однозначного и окончательного ответа. Но давайте представим себе, как апостол Павел, утомленный дневной работой по плетению палаток, поздним вечером запирался в своей комнате с доверенным учеником, чтобы написать послание той общине, чьи проблемы его больше всего волновали. Вечер плавно переходил в ночь, усталый секретарь уже не улавливал окончания фраз, а апостол в воодушевлении диктовал все быстрее и быстрее. Наконец голова секретаря склонялась над листом папируса, диктовка прекращалась и возобновлялась лишь на следующий день.

Прошу меня простить за это вынужденное лирическое отступление, но, я думаю, только так мы сможем понять, почему разнится стиль в различных посланиях апостола Павла. Литературный стиль не может служить однозначным аргументом против авторства апостола Павла по той простой причине, что различные стили его посланий могут быть стилями его секретарей. Конечно, совсем не обязательно предполагать, что апостол мог поручить своему секретарю составить “неважное” послание от своего имени, а затем отправить его со своей подписью в одну из основанных им церквей (в частности, некоторые критики именно так объясняют происхождение послания к Эфессянам: якобы апостол Павел дал своему ученику задание составить послание к Эфесской Церкви по образцу послания к Колоссянам). Но все же совершенно очевидно, что секретарь, особенно если он не был профессионалом, мог не успевать за быстрым, динамичным темпом речи апостола, который находит отражение даже в записанном тексте. В этом случае ему приходилось восстанавливать слова апостола по памяти, т.е., фактически, излагать его мысли своими словами. И, конечно, если секретарь хорошо знал апостола Павла, он вполне мог изложить его мысли таким образом, чтобы апостол мог поставить под этим текстом свою личную подпись. Как замечает по этому поводу Эрнест Рандольф Ричардс, если что-либо в посланиях не принадлежит самому апостолу Павлу, значит, это дело рук

его секретарей; а если секретарей, то это все равно «павлово», поскольку апостол санкционировал включение этого текста в свои послания [23].

-
- [1] *Ролофф Ю.* Введение в Новый Завет. М.: ББИ, 2010.
- [2] *Charlesworth J.H.* Pseudonymity and Pseudepigraphy. // *The Anchor Bible Dictionary.* / Freedman D.N., ed. [Электронный ресурс]. – Electronic data and program. – CD ROM Edition. – New York, 1997.
- [3] *Ролофф Ю.* Введение в Новый Завет. С. 162.
- [4] Там же.
- [5] Более подробно см. в: *Хейфманн С.* Павел и его интерпретаторы. // *Словарь Нового Завета. Т.2: Мир Нового Завета.* / Эванс К. и др., ред. – М.: ББИ, 2010. – С. 532-545.
- [6] Более подробно см. в: *Данн Д.* Павлова школа. // *Словарь Нового Завета. Т.2: Мир Нового Завета.* С. 567-572.
- [7] См. напр.: *Гатри Д.* Введение в Новый Завет. / Пер с англ.; предисл. Н. А. Александренко. - Одесса: Богомыслие, 1996. – С. 787.
- [8] *Ролофф Ю.* Введение в Новый Завет. С. 164.
- [9] *Гатри Д.* Введение в Новый Завет. С. 383.
- [10] См.: *Иларион (Троицкий), сщмч.* Новый Завет в апостольское время. // *Творения.* - М., 2004. - Т. 2. - С. 300-316.
- [11] См. *Гатри Д.* Введение в Новый Завет. С. 383., сн. № 5.
- [12] *Сорокин А., прот.* Христос и Церковь в Новом Завете. Введение в Священное Писание Нового Завета. (Курс лекций). - М.: Издательство Крутицкого подворья, 2006. – С. 271.
- [13] См. *Данн Д.* Павлова школа. С. 569.
- [14] См.: *Linnemann E.* Biblical Criticism on Trial: How Scientific is «Scientific Theology»? – Grand Rapids: Kregel Publications, 2001. – 217 p.
- [15] Ibid. P. 99.
- [16] Ibid. P. 98.
- [17] Ibid.
- [18] Ibid. P. 104.
- [19] Ibid. P. 112.
- [20] Ibid. P. 90.
- [21] Более подробно см.: *Richards E.R.* The secretary in the letters of Paul. – Tubingen: Mohr, 1991. – 251 p.
- [22] Ibid. P. 97-111.
- [23] Ibid. P. 201.